

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Замена объекта / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (А.Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-91012-0

Убиты двое — молодая жена успешного бизнесмена и ее охранник. Что это — предупреждение удачливому конкуренту, месть ветреной красавице, сведение старых счетов? Версий много, но все они не нравятся скромному участковому — капитану милиции Игорю Дорошину, у которого в расследовании преступления есть личный интерес. На свой страх и риск, а скорее повинуясь неясному зову интуиции, он отработывает собственную версию. Ведь когда речь идет о человеческих страстях, нельзя доверять даже самым безусловным фактам. Вроде очевидно, что путь пули всегда лежит между двумя — тем, кто стреляет, и тем, в кого стреляют. Но это только кажется, людей на ее пути гораздо больше...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-91012-0

ИГОРЬ ДОРОШИН

Впервые в жизни я слышал, чтобы отец так кричал. Я бы даже сказал — орал, хотя мама с детства приучила меня к тому, что в отношении родителей нельзя употреблять грубые слова даже в мыслях. Папа не может орать, он может говорить на повышенных тонах, не более того. Тем более папе нужно беречь связки. Но сейчас он именно орал, какие бы синонимы и эвфемизмы ни предлагали мне хорошее воспитание и толковые словари. А метрах примерно в двухстах от нас остывали на осеннем асфальте два труп...

Он стоял посреди своей персональной гримуборной, наполовину «размытый», как сказали бы хирурги, то есть уже в махровом халате, но еще в парике и с гримом злодейского графа ди Луны, и поносил меня разнообразными малоприятными словами. Вообще-то мой батюшка, знаменитый баритон Владимир Дорошин, частенько позволял себе повышать голос, но в нашей семье принято было считать, что «папа выпускает пар» и ему это совершенно необходимо. К его чести, надо заметить, что кричал он всегда обезличенно, например, что «никто не умеет работать, не могут нормально подготовить спектакль (сцену, костюм, суфлера и тому подобное)», что он завтра же объявит об уходе со сцены, что он не может работать в такой обстановке, что гостиница во время гастролей была холодной и он чуть не загубил горло, и все в таком духе. Ни разу я не слышал, чтобы крики были адресованы конкретно маме, или мне, или человеку, с которым он в данный момент раз-

говаривает. Иными словами, если резюмировать кратко, папенька всегда кричал на тему «все козлы» и никогда на тему «ты дурак».

Сегодня я стал свидетелем и участником первого исключения. Великий Дорошин орал непосредственно в мой адрес. Меня, надо признаться, это здорово шокировало.

Но случилось это вечером, в одиннадцатом часу, а день-то начался весьма премило, развивался строго по составленному заранее графику и даже был наполнен всяческими приятными эмоциями.

Проснулся я в восемь утра, точно по будильнику. Будильник носит имя Ринго, десяти лет от роду, породу имеет неуточненную, ибо куплен был не в питомнике и не через клуб, а с рук у бабульки возле центрального входа на ВДНХ за какую-то совсем смешную сумму. Внешне Ринго сильно смахивает на сибирского кота, но за чистоту крови поручиться не могу. У него овальные раскосые глаза, короткая мощная шея, пучки шерсти между пальцами и черепаховый окрас, и все это вместе весит полноценные восемь килограммов, так что, если верить энциклопедии кошек, на сибирца он вполне тянет, но кто знает... В течение первого года жизни Ринго познавал мир и прикидывал, какие бы правила установить, чтобы жить было удобно. На втором году он определился и пришел к ряду выводов, одним из которых и стало решение о том, что хозяин должен вставать в восемь утра, потому как в восемь ноль пять их высочество желают завтракать. Им так удобно. И на протяжении последующих девяти лет сие правило неуклонно соблюдается. Если мне по какой-то причине нужно встать раньше, Ринго относится к этому как к грубому нарушению режима, презрительно фыркает и даже не подходит к миске, наполненной вкусеньким кошачьим папшетином из красивой баночки, пока не наступит законное время утреннего кормления. Будит он меня сначала деликатно, вполголоса помякивая возле моей подушки, но если это к желаемому результату не приводит, он разбегается и со всего размаха плюхается своим восьмикилограммовым

телом примерно туда, где, по его представлениям, должен находиться мой мочевого пузырь. Представления у старика Ринго правильные, анатомию человека он знает не хуже профессионального врача, поэтому я немедленно вскакиваю и бегу в сторону туалета, а там уж и место для кошачьего кормления рядом.

Но сегодня до такого экстрима дело не дошло, я проснулся при первой же «подаче голоса», осторожно вытащил руку из-под Катинной шеи и спустил ноги с широкой кровати. Ринго одобрительно хрюкнул и, бодро задравши пушистый хвост, потрусил к кормушкам, даже не давая себе труда оглядываться по дороге, дабы убедиться, что я иду в нужном направлении. Знает, паршивец, что никуда я не денусь.

Мисок для кормления у меня чертова уйма, но в кухне на полу аккуратным строем стоят шесть: пять для еды — по числу членов банды — и одна большая, обшая, — с водой для питья. Обычно к восьми утра возле мисочек тусуются мальчишки: пятилетний серый с голубым отливом американский экзот Дружочек с невысказанно аристократической родословной и двухгодовалый приبلудный потеряшка по кличке Айсор, гладкошерстный, абсолютно черный и с малахитово-зелеными глазами. Судя по красоте экстерьера, тоже породистый, но почему-то выброшенный хозяевами на улицу. Лаковый блеск шерсти наводит на мысль о бомбейской породе, цвет глаз вполне может указывать на бенгальскую кошку, ну а уж по месту рождения и проживания Айсору надлежит быть русской короткошерстной. И чем он, такой невысказанный красавчик, не глянулся владельцу? Девочки числом две, мама с дочкой, любят поспать подольше и просыпаются только тогда, когда слышат сладостные звуки вскрываемых баночек с вожделенным паштетом. Ну что вы на меня так смотрите? Да, у меня пять кошек. А будет еще больше.

Пока я раскладывал завтрак по мискам, из спальни прилепала заспанная Катерина. Лохматая и завернутая в махровое полотенце, она показалась мне еще бо-

лее симпатичной, чем вчера вечером, когда мы познакомились.

— Что это? — с ужасом спросила она, мгновенно просыпаясь.

Это она еще моих девчонок не видела... Впрочем, реакция вполне ожидаемая.

— Коты, — коротко ответил я, наливая в питьевую миску свежую воду из пятилитровой бутылки.

— Я думала, у тебя только один... Вчера же был один? — на всякий случай уточнила она. — Или я напилась так, что ничего не помню?

В ее голосе зазвучал неподдельный страх. Катерина — хорошая девочка, непьющая и даже некурящая, и мысль о том, что романтический бокал вина, который я предложил ей «для знакомства», перерос в отвратительную пьянку с малознакомым милиционером, казалась ей непереносимой.

Надо было ее успокоить, и я объяснил, что вчера вечером она действительно видела только старика Ринго, добровольно взявшего на себя обязанности ответственного квартиросъемщика и посему считающего своим долгом свирепо бдить, кого это хозяин приводит на подведомственную территорию. Все остальные ребята к гостям сразу никогда не выходят, на всякий случай прячутся подальше и высовываются только тогда, когда уже не могут совладать с любопытством. Наверняка они все приходили ночью в спальню поинтересоваться, кого я привел на этот раз, но в темноте Катя их, конечно же, не видела, а передвигаются кошки, как известно, совершенно неслышно.

— То есть у тебя три кота? — переспросила она голосом, в котором сквозило почему-то уважение.

— На самом деле пять, — честно признался я. — Ты только не волнуйся, это не опасно для жизни.

— А зачем? — задала она следующий вопрос.

Вопрос был резонным, но отвечать на него мне не хотелось. Слишком длинным получилось бы объяснение, а к долгим беседам я расположен не был. У меня сегодня трудный день, точнее, мне предстоит трудная вто-

рая половина дня, а в первой половине придется многократно разговаривать с матушкой, так что силы мне еще пригодятся. Поэтому я ограничился коротким и всеобъемлющим:

— А я их люблю.

Как ни странно, этого оказалось достаточно, чтобы Катерина мгновенно успокоилась и отправилась в ванную.

С этой чудесной девушкой я познакомился накануне во время съемок видеоклипа популярной группы «Ночные рыцари». Катя приехала туда вместе со своей съемочной группой делать репортаж для одного из телевизионных каналов и брать интервью у продюсера «Рыцарей» Бориса Безрядина, а я присутствовал на съемках от нечего делать. Боря Безрядин и его жена Светка — мои давние друзья, а репертуар группы процентов на семьдесят состоит из песен, которые я же им и написал. У меня выдался свободный вечер, так почему не съездить на съемки? Мне всегда было интересно посмотреть, как режиссеры переводят мою музыку в видеоряд. Как правило, режиссеры эти слышат песню совсем не так, как я, и если бы мне доверили делать клипы, они были бы совсем другими, но я не режиссер и даже не полноценный композитор, а всего лишь участковый милиционер, правда, с хорошим музыкальным образованием. Но все равно интересно...

— Я смотрю, ты не торопишься, — заметила Катерина, обратив внимание на ту неспешность и обстоятельность, с которой я поглощал завтрак. — Разве тебе не надо на работу?

— У меня сегодня отгул.

Она молча переварила новую вводную и приступила к следующему блоку вопросов:

— Слушай, а это правда, что Безрядин никогда не летает самолетами?

— Истинная правда.

— А почему? Боится летать?

— Наверное, — я как можно безразличнее пожал плечами. — Не знаю, может, его тошнит.

— Но ты же его друг, ты должен знать точно.

Разумно. Неужели все журналисты такие вьедливые?

— Кать, я не люблю распространяться про других людей за их спиной. Спроси у Бориса, он сам тебе ответит, если сочтет нужным.

— А еще говорят, что он безумно трясется над своим здоровьем и, как только начинается эпидемия гриппа, старается не появляться там, где много народа, чтобы не заразиться. Это правда?

— Кать, отстань, а? — жалобно попросил я. — Существует же элементарная этика. Даже врачи не рассказывают посторонним о болезнях своего пациента. Человек имеет право сам решать, что рассказывать о себе, а чего не рассказывать. Мне начинает казаться, что ты приехала сюда вчера не из симпатии ко мне, а с совершенно другой целью. Если ты думаешь, что я буду сплетничать про Борьку, то ты грубо ошиблась.

— Ну ладно, извини, — быстро отыграла назад Катерина. — А про группу можно спрашивать?

— Нельзя, — отрезал я, опуская вниз руку с зажатым в пальцах кусочком сыра. У моих ног сидели Айсор и младшая из девчонок — Карма, которые за сыр готовы продаться с потрохами. Остальные коты к сыру равнодушны и, убедившись, что ничего интересного за завтраком к столу не подают, съели свои порции паштета и удалились. Айсор, как всегда, успел первым, ухватил ломтик и утащил в угол. Карма жалобно муркнула и посмотрела на меня с упреком. Я воровато оглянулся на шустрого подкидыша и тут же сунул ей кусочек потолще. — Про группу спрашивай у Бориса, он продюсер, ему и решать, какую информацию давать и как. Если я скажу про «Рыцарей» хоть слово, которое пойдет вразрез с его концепцией, он меня убьет.

— Хорошо, — покладисто согласилась она. — Тогда поговорим о тебе.

— Это можно, — великодушно разрешил я.

— У тебя в одной из комнат стоит рояль, вечером ты идешь на премьеру в оперный театр, и при этом ты работаешь участковым. Это как?

— А как? — я прикинулся идиотом. — По-моему, нормально.

— У тебя есть музыкальное образование?

— Среднее, в объеме музыкальной школы-семилетки.

— А высшее?

— Высшего нет.

— Что, совсем никакого? — удивилась Катя.

— Я имею в виду, что я консерваторию не заканчивал. А так — юридическое.

— Но почему? Мальчик из такой семьи, папа певец, мама концертмейстер, музыкальную школу окончил и пошел в милиционеры... Да еще в участковые. Должна же быть причина.

Да уж кто бы спорил. Причина быть должна. И она была. Но опять же долго рассказывать. Неохота, да и силы надо поберечь.

— Кать, это дело интимное, очень личное, а мы с тобой еще и суток не знакомы. Я тебе как-нибудь потом расскажу, ладно?

— Конечно, если это «потом» вообще будет, — рассудительно заметила она. — Спасибо за завтрак, Игорек, мне пора.

Я с удовольствием смотрел на нее, пока девушка одевалась в прихожей. Стройная, невысокая, с коротко стриженными темными волосами и веселыми глазами, она казалась совсем юной и напоминала сбежавшего с уроков мальчишку-восьмиклассника. Вместе с тем я знал, что в тележурналистике она не один день, я много раз видел ее репортажи о всяческих событиях из культурной жизни.

Не успел я закрыть за ней дверь, как позвонила мама.

— Егорушка, я этого не переживу, — простонала она. — Я всю ночь не спала. Это какой-то кошмар!

Описание кошмара заняло около тридцати минут. За это время я успел прочесть две главы нового романа Гришэма, к которому питаю давнюю слабость еще со времен моего заочного юридического обучения. Кошмары у моей мамы случаются с завидной регулярностью, но ведь известно, что все в этой жизни подчинено

закономерностям, и если эти закономерности уловить, то вполне можно к ним приладиться. Описание кошмара в обычные дни занимает пять-семь минут, в дни папиных спектаклей — минут по двадцать два раза в день, ну а уж если у нас премьера — то раза четыре по полчаса. Тут главное — иметь под рукой интересную книжку. Я терпеливо выслушиваю мамулю и уместно поддакиваю и ахаю, не отрываясь от чтения, — натренировался за много лет. Я очень ее люблю, мою маму, поэтому не считаю возможным прерывать ее излияния, более того, я понимаю, что ей действительно нужно мое внимание и сочувствие, и я не могу и не хочу ей в этом отказывать. Мама преданно служит отцу с самого начала его певческой карьеры, они познакомились, когда он учился в консерватории на вокальном отделении, а она — в Гнесинке по классу фортепиано. Мама стала папиным личным концертмейстером, он всю жизнь репетирует только с ней, она ездит с ним на гастроли, следит за его здоровьем, питанием и комфортом, сходит с ума при малейших признаках простуды у знаменитого Владимира Дорошина, а уж если у него бессонница, тахикардия, насморк или, не дай бог, расстройство желудка, да еще в день спектакля, то это уже не просто кошмар, а Кошмар с большой буквы, или Кошмарище. А сегодня все-таки не рядовой спектакль, а премьера, оперный театр решил поставить «Трубадура» Верди, папа поет в нем партию графа ди Луны, поэтому все, что происходит с обожаемым кумиром, приобретает в маминых глазах масштабы уже не Кошмарища, а Кошмарного Ужаса. Я внимательно слежу за тем, как на страницах романа молодой неопытный адвокат пытается бороться с мощной страховой компанией, незаконно отказавшей смертельно больному юноше в выплате страховки, и при этом слушаю, как плохо папа спал сегодня ночью, и как он два раза вставал и пил чай на кухне, и что он не в настроении и не в голосе, и как мама десять раз принимала сердечные лекарства, и как у нее все валится из рук, и как она предложила папе проиграть всю его партию, он любит в день спектакля мысленно пропеть то, что ему

предстоит озвучить вечером, это помогает ему настроиться, так вот, мама села к роялю и не смогла сыграть простейший аккомпанемент, потому что у нее дрожат руки. Все было давно знакомо и вполне ожидаемо, но все равно это ведь мои родители, которых я нежно люблю и которым нужна моя поддержка.

Описание Кошмарного Ужаса подошло к концу и уступило место вопросам чисто практическим.

— Ты проверил смокинг? Он в порядке?

Я заверил маму, что смокинг в идеальном состоянии и ей не будет за меня стыдно. Это было традицией, ломать которую мне и в голову не приходило. В детстве и юности на папины спектакли я ходил в наглаженных костюмчиках и при галстучках, а лет с двадцати по настоянию матушки перешел на смокинг. Надо заметить, такой порядок мне нравился, смокинг сидел на мне хорошо, и с одетой в вечернее платье мамулей мы смотрелись весьма и весьма...

— Ты говорил сегодня со Светочкой? Они с Борей придут на спектакль?

Господи, да кто ж может это знать? Ни Светка, ни я, ни сам Борис не можем гарантировать, что он куда-то сможет прийти сегодня вечером. Да что там вечером, неизвестно, что будет через час. Но маме я это объяснить не могу, не имею права, дал слово.

Я подробно отчитался о том, как накануне встречался с четой Безрядиных, передал им приглашительные билеты и выслушал их заверения в том, что они все-пременно будут-с. Для моей мамы самое лучшее лекарство в минуты Кошмарного Ужаса — это чье-то сочувствие плюс детальный неторопливый рассказ. Она слушает и как-то успокаивается. Ну в самом деле, сын при смокинге, друзья собираются прийти на спектакль, значит, мир пока еще не рухнул и премьера, дай-то бог, пройдет без эксцессов. Папа в дни спектаклей такого лекарства ей устроить не может, потому что вообще не разговаривает. Он, как говорится, недоступен контакту. То есть рта не раскрывает. Вернее, ближе к вечеру он может позволить себе пару раз произнести несколько

фраз «поставленным» голосом, а все остальные издаваемые им звуки — это «м-м — м-м» с размахом в октаву. Что поделаться, папа-певец — это непросто. И с этим приходится считаться.

На общение с мамой ушел час. Еще полтора часа пришлось потратить на пробежку до ближайшего универсама с целью закупки мяса для моих бандитов. Вообще-то ветеринар меня предупредил, что кастрированных котов кормить сырым мясом не рекомендуется, но вышеуказанной бесчеловечной процедуре я подверг только Ринго и Айсора. Дружочек — полноценный производитель, отец Кармы и муж Арины, и вся эта счастливая семейка трескает сырое мясо так, что только искры летят. Продуктовый поход, по моим прикидкам, должен был занять минут двадцать, но в график внесла незапланированные изменения Татьяна Леонидовна, милейшая старушка, много лет назад усыновившая мальчика из детдома и с тех пор непрерывно расплачивающаяся за проказы генетики. Несмотря на идеальное воспитание, которое она дала приемному сыну, вырос он сволочью, причем сволочью ленивой и пьющей, и регулярно отбирал у матери пенсию. Многотерпеливая Татьяна Леонидовна, чтобы не помереть с голоду, начинала ходить в гости к старым приятельницам на чашку чаю, но, поскольку жили эти приятельницы в разных концах Москвы, от таких поездок она сильно уставала, у нее были большие ноги и слабое сердце, однако тратить здоровье на поездки по городу и скромно пить чай с небогатым стариковским угощением все равно выходило дешевле, чем покупать продукты, и это позволяло ей дотянуть до очередного получения пенсии. Она никогда и ни у кого не просила в долг, и, если так получалось, что чаю выпить не с кем, она молча голодала.

Татьяну Леонидовну я заметил на автобусной остановке и сразу понял, что она собралась на очередное чаепитие.

— Опять? — сочувственно спросил я, подходя к ней.

Она не ответила, но взгляд у нее был горьким и потухшим.

— И где он сейчас?

— У меня.

— Отсыпается? Вчера напился и сегодня отдыхает?

Она молча кивнула.

— Почему вы мне сразу не позвонили? Я же просил, чуть что — сразу звоните мне. Я за что зарплату получаю? Дайте мне ключи, — я протянул руку. — И не уезжайте, пока я не вернусь, хорошо?

Она снова кивнула, не произнеся ни слова, и отдала мне ключи от квартиры. Все это происходило далеко не в первый раз, и Татьяна Леонидовна отдавала ключи безропотно и терпеливо ждала меня на остановке, присев на лавочку. Разбирательство с сорокалетним похмельным бугаем много времени не заняло, дело было привычным, и я вернулся к старушке с ключами, непропитыми остатками пенсии и заверениями в том, что сын удалился к месту постоянного проживания почти совсем непобитый. Во всяком случае, физическое воздействие, к которому мне пришлось прибегнуть, для здоровья не опасно. От водки вреда куда больше. Вообще-то Татьяна Леонидовна живет не на моем участке, но я знаю ее с детства, и разве она виновата, что нашему участковому наплевать на нее и таких, как она, слабых и беззащитных?

Я проводил Татьяну Леонидовну до дому и вернулся к себе, чтобы предаться любимому занятию: просмотру последних записей и заполнению дневника. Социология сообщества кошачьих — это мой пунктик. Можете считать, что я на этом сдвинулся. Как нормальный милиционер, я давно понял, что люди ведут себя совершенно по-разному, когда они одни и когда рядом с ними кто-то есть. Но то люди, а кошки? Отличается ли их поведение, когда хозяин дома, от поведения, когда его нет и они предоставлены сами себе? Делают ли они то, что «нельзя», когда я ухожу? Или когда я дома, но сплю? Как они делят территорию, когда появляется новый член общества? Зависит ли поведение «старожилов» от того, кем является «новичок», самцом или самкой? Разнится ли поведение стерилизованных и нестерилизованных